

ОЧЕРК Н. Я. РОЩИНА О ВИЛЛЕ «БЕЛЬВЕДЕР»

Сообщение А. И. Понятовского

Среди людей, близко знавших Бунина во Франции, был писатель Николай Яковлевич Рошин (Федоров; 1896—1956). Познакомились они в 1926 г., и в последующие годы Рошин подолгу жил у Буниных в Грассе, где стал своим человеком. «Семь раз приезжал, живал и по полгоду», — писала о нем В. Н. Бунина 12 сентября 1934 г. (письмо Д. Н. Муромцеву; ГМТ, № 3216). Бунин дружески относился к Рошину, беспокоился о его неустроенной жизни, нередко оказывал ему материальную помощь, постоянно с ним переписывался.

В 1941—1945 гг. Рошин активно участвовал во французском Сопротивлении. В 1946 г. он возвратился на Родину и последние годы жил в Москве. Его повесть «Будни черного континента» опубликована в альманахе «Мир приключений» (М., 1957, № 3).

Переписка Рошина с Буниным продолжалась и после его возвращения. Значительная часть писем Бунина к нему опубликована (см. об этих письмах настоящ. кн., стр. 458, 472, 510).

Публикуемый очерк представляет значительный интерес как свидетельство не только очевидца, но и непосредственного участника жизни Буниных в Грассе. Перед тем как напечатать его, Рошин читал очерк Бунину и всем обитателям виллы «Бельведер» (см. настоящ. кн., стр. 260).

Очерк был опубликован в рижской газете «Сегодня» (1929, 1 января) под названием «Литературный уголок (вилла „Бельведер“)». Печатается в сокращении по вырезке из этой газеты (ГМТ).

Вилла «Бельведер» вполне оправдывает свое название. С ее площадки, поднимающейся над хаотическим нагромождением древнего камня, — над старым провансальским городом Грассом — открывается чудесный вид на дымно-синие мягкие валы Эстерельского хребта, падающего в море, на самое море, то застывшее, стеклянное, то колющее под солнцем глаза блеском серебряной чешуи, то серебриво-бесцветное, то ярко-синее, сапфировое, то далекое и ласковое, то под острым мистралем грозное, высоко поднявшееся, открывшее беспредельные свои просторы; на зеленую долину и холмы, увенчанные древними провансальскими городками-крепостцами. Удивительный и прекрасный вид — ожившая старинная гравюра.

Если подняться немного выше, на площадку принцессы Полины — любимое место прогулок красавицы сестры Наполеона — и на горную дорогу над нею, в пышной и блистательной красоте откроется почти все побережье Средиземного моря, причудливо очерченные мысы его, заливы, города — Антиб, Канны, залив Ангелов и Ницца, амфитеатром лежащая по ровной его дуге, далекая монашеская скала и дымные полосы гор, уходящих в Италию.

... В литературных парижских кругах «Бельведер», смеясь, называют «монастырем муз». И правда, есть что-то аскетически-отрешенное, монастырское в простом и скромном укладе жизни на «Бельведере»¹.

День начинается по-деревенски рано. Солнце стоит над морем, утренний легкий ветер доносит росистую свежесть и ранний острый аромат розовых и жасминовых полей. Прохлада. Сквозь перистые листья пальм вдали играет розовое море. Прекрасное ожное утро, но — утренний час дорог, утренняя работа самая ценная, в живительной свежести раннего часа есть та слегка азартная бодрость, которой не даст день. Мысль ясна, чувства спокойны. В утреннем часе есть некая непорочность, белизна, девствен-

БУНИН

Фотография, 1926. С дарственной надписью: Н. Я. Рошину: «Дорогой Николай Яковлевич, не поминайте лихом наш Belvédère. Ив. Бунин. 16.X.26.»

Музей И. С. Тургенева, Орел

ность. Утренний час — главный час работы. И обитатели «Бельведера» расходятся «по кельям» — а на гостеприимном «Бельведере» всегда живет кто-нибудь из друзей-литераторов.

... Литературной работой занята и жена И. А. — В. Н., урожденная Муромцева (племянница председателя первой Государственной думы). Многие историки современной литературы дорого дали бы за обширные ее дневники. Сколько воспоминаний, сколько литературных встреч, и не случайных: вернее и не встреч даже, а литературных дружб — ведь почти вся жизнь ее прошла в кругах литературных, и нет, кажется, ни одного более или менее крупного литературного имени на горизонте нынешнего столетия, о ком не могла бы она рассказать много — иногда очень много — интересного, живого, своеобразного. Сейчас она подготавливает к печати ряд литературных очерков-воспоминаний.

По-деревенски же ранний обед — ровно в полдень. К обеденному часу карабкается снизу почтальон — вполне замечательная личность, в присутствии которой жалеешь о Диккенсе. За послеобеденным кофе, или, как говорят на «Бельведере», кофием,

многие письма читаются вслух. Обсуждаются парижские литературные и общественные новости — брызги пестрой столичной жизни, перелетев альпийские отроги, падают сюда с веселым плеском. Смех, разговоры, воспоминания, шутки — на «Бельведере» нет места интеллигентскому, почти всегда беспредметному унынию, печали.

После обеда короткий отдых и — опять работа с небольшим и необязательным перерывом на чай. Чай накрывается в саду, под огромной пальмой, в густой, стрельчатой по краям, тени. Странен, необычен этот чай, белый блеск скатерти, звон ложечек и стаканов, вазочки с домашним вареньем, русские звонкие голоса — под пальмой, над ярким морем — словно под яблонькой в старом барском саду. А на куртинах — пышные южные цветы, с живой изгороди свешиваются цветущие круглый год розы, вытянулись и замерли в зное густые шапки апельсиновых деревьев, над домом склонились тяжелые огромные листья смоковницы, и на выступах стен дремлют причудливые многообразные кактусы. А в синем жгучем небе трепещут серебряные листья оливок, и сквозь зелень на песчаные дорожки, на светло-желтую стену дома бьет слепящее неистощимое солнце, одиннадцать месяцев в году не покидающее небосклона.

Ужин. Тоже ранний — летом еще высоко стоит солнце. Ужин — конец трудового дня. Можно подольше посидеть за столом, поговорить, выпить лишний стакан местного отличного вина.

После ужина — большая прогулка, чаще всего наверх, в горы, зимой после прогулки — посиделки в просторном кабинете хозяина ².

Вокруг имени И. А. Бунина крепкой стеной стоит нелепая легенда о «холодном академике», «оскорбленном помещике», «надменном олимпийце». Тот, кто перешагнул эту стену, тот знает редкое обаяние этого удивительного, нежного и доброго, деликатного и неистощимо жизнерадостного человека. И тому понятно станет, каким весельем, смехом, игрою острого ума и блеском беспощадно искреннего таланта полны эти зимние вечера ³.

...Многие знают, какой он удивительный чтец, известно, что Станиславский звал Бунина в свой театр на ответственные роли, но только те, кто с ним близок, знают об этой стороне его с исключительной щедростью одаренной натуры. Право порой делается жутко, когда видишь не удивительные проявления подражательного искусства, а подлинную, свершающуюся на твоих глазах тайну перевоплощения. Бунин легко заставляет и плакать и смеяться — до колик, до испуга. Недаром покойный Л. А. ⁴ говорил, что когда он бывает с И. А., у него «ломит щеки» от смеха; нежно и крепко любил Бунина Чехов — один из самых умных и тонких людей нашего времени. Неуловимое изменение в чертах сухого красивого лица (лица «римлянина-патриция», по определению художников). Жест непередаваемый, но точный, незаметный излом походки, голоса — и перед вами сторож у шалаша караулки, сельский дьячок, армейский офицер, мещанин-прасол, пастух, декадентская поэтесса, мужик, гробовщик. Странно, непостижимо... вам кажется, что вы оставили Россию не десять лет назад, а что всего вчера видели вы эту толстую и неподвижную, как истукан, всю ватную торговку, нищего слепца с чашкой, цыгана, заезжего провинциального кумира — тенора, кабатчика. Вы теряетесь. Может быть, вы, житель столицы, не встречали никого из этих персонажей отечественного быта, но вы так подавлены убедительностью и естественностью открытых вам образов, их основных и неповторимых признаков, их сути, соли, что вы ясно видите, — их не только не может не быть, но они уже давно в вас самом, и так сильны, что и вас неодолимо побуждают уподобиться им...

Деревенскими же прибаутками, поговорками, присказками И. А. мог бы занять внимание слушателя на двое суток, нет слова в русском языке, на которое он не ответил бы острым, метким народным словечком.

Впрочем, не всегда только смех на «посиделках». Часто И. А. читает вслух из новой французской литературы, какой-нибудь «chef-d'oeuvre», особенно превознесенный досужей критикой, но, впрочем, от всех нынешних знаменитостей И. А. отдыхает на любимых им старых французских писателях.

...Распорядок жизни и «Бельведера» соблюдается не с железной строгостью. Часто работа оставляется для прогулок. «Прогулка» здесь — специальный, немного туристский термин, и они удивительные. Ближайшая — к морю, на купанье. До моря всего

полчаса езды в удобном покойном автокаре. Часто ездят в горы, в тихие провансальские городки, полные печали и умирания, — в Турет, Сен-Сезер, Сен-Валье, к «Орлиному гнезду» — скинутому на самую вершину голой скалы городку Гурдон, или совсем высоко, где зимой лежит снег, — в Торан, Сент-Обан.

Ежедневно со всех концов русского рассеяния приходит на «Бельведер» кипы писем от известных и неизвестных читателей и почитателей И. А. и первых причастников искусства — робкие письма начинающих писателей и поэтов. Являются иногда и лично — спросить совета и просто в лицо увидеть знаменитого писателя.

Но не только русские — и французы знают «Бельведер» и к И. А. Бунину относятся с вниманием и почетом, как и подобает относиться к одному из главных представителей современной литературы, хотя бы он был и в горестном облике русского изгнанника.

Париж. Декабрь 1928.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В очерке «У Бунина» Рошин писал, что Бунин «исключительно скромен в работе. Никакого культа, никакого хождения на цыпочках. Кабинет внизу, в первом этаже. Широкий круглый стол, очень свободный, старенькое кресло и склоненная над столом фигура человека во фланелевой куртке или старом шелковом, чуть что не от дедов, халате» («Возрождение», 1933, 15 ноября).

² Об этих вечерах Рошин рассказывает в очерке «У Бунина»: «Все население дома — у хозяина. Свет, горит печка (нет в доме центрального отопления), сидят кто на диване, кто просто на кровати. Читает вслух по-русски или по-французски сам Бунин, чаще всего — Мопассана, любимца. Чтец он удивительный. Так, вместе, вечерами „прошли“ Толстого, Гоголя» (там же).

³ «Бунин необыкновенно многолик, — вспоминает в том же очерке Рошин. — Иногда на каком-нибудь официальном собрании, на торжественном банкете глядишь на это очень породистое, несколько усталое лицо («лицо римлянина-патриция», по выражению одного иностранного писателя), слушая медленную изящную речь, думаешь, — что за необыкновенное превращение! Да ведь еще вчера вечером этот надменный римлянин изображал цыгана на ярмарке, пел деревенские частушки, танцевал камаринского, передразнивал грустно-милого местного дурачка-музыканта Жозефа и представлял какого-нибудь из знакомых с таким необыкновенным искусством, с такой меткостью, что все валились с ног от смеха.

Помню как-то летним вечером я слонялся по саду. В доме никого не было, ушли на прогулку. Вечер был тих, почему-то вспомнилась юность, гимназия, военное училище и гимнастический зал, — а я был когда-то недурным прыгуном. И вот, очертив на песке расстояние, попробовал я проверить себя, вдруг чувствую на себе чьи-то сердитые глаза.

— Ишь, распрыгался!

Я поднял голову. В окне — хозяин.

— А вы попробуйте-ка так.

— А что же, не прыгну?

— Попробуйте!

Нас разогнала уже в темноте, через час, вернувшаяся с прогулки Вера Николаевна, жена. Последний прыжок мы взяли почти одинаково. Совершенно уверен, что мой суровый взводный поставил бы академику отличную отметку за гимнастику» (там же).

⁴ Возможно, что речь здесь идет о Леониде Андрееве.